

лы не меняет этого общего для народных рун положения, и Вьянола, как и Сувантола,— синонимы Калевалы, а не ее территориальные единицы.

Можно было бы поговорить и о принципах написания комментариев или примечаний к рунам. Они нечетки. Видимо, автор субъективно отбирает для объяснения места и слова, которые он считает достойными своего внимания. Создается впечатление, что ему остались неизвестны кое в чем устаревшие, но весьма обстоятельные комментарии Е. Г. Кагарова. Но самое досадное — наличие в комментариях С. Я. Серова ошибок, подобных заявлению о том, что строки 396—399 четырнадцатой руны «Калевалы» — это «эпическая несообразность, не замечавшаяся слушателями» (с. 562).

Подытоживая, хочу еще раз сказать, что ошибки, неточности, произвольные суждения существенно снижают положительное значение статьи и особенно комментариев.

Э. С. Киуру

НАРОДЫ СССР

Л. Ф. Артюх. Народне харчування українців та росіян північно-східних районів України. Київ: Наукова думка, 1982, 112 с.

Советские этнографы много сделали для изучения современных этнических процессов на Украине, которые отражают главную тенденцию развития национальных отношений в наши дни — всесторонний расцвет всех народов страны и теснейшее их единение в составе советского народа как новой исторической общности. Как справедливо отметил В. И. Наулко, процессы сближения народов свидетельствуют не об исчезновении самобытных национальных форм, а прежде всего о взаимовлиянии и взаимообогащении культур отдельных народов, сближении их ценностных ориентаций и национальных установок, проявлении общесоветских черт в экономике и культуре, усилении тенденции к интернационализации быта. «Подобная линия, — говорит он, — прослеживается во всех направлениях развития национальных культур»¹.

В последние годы значительно расширился круг историко-этнографических исследований на Украине. Их предметом стали этнические процессы, отражающиеся в различных областях материальной и духовной культуры. Однако все еще недостаточно изучены конкретные изменения в бытовой сфере культуры. Наиболее полно исследованы народное жилище и одежда, однако пока еще мало внимания уделялось пище.

Несмотря на влияние процессов урбанизации на пищу, этническая специфика в этой сфере материальной культуры сохраняется дольше, чем в других ее элементах. Особенно заметно она проявляется в повседневных пищевых предпочтениях, способах приготовления блюд, правилах поведения во время праздничного и обрядового застолья и др. Для исследователей этнических процессов пища представляется особенно выразительным материалом.

Между тем, в нашей этнографической литературе мало монографических работ по пище и питанию², а о взаимодействии народов в этой сфере культуры публикаций еще меньше. Тем бóльший интерес представляет рецензируемая книга Л. Ф. Артюх.

В первой своей публикации, посвященной традиционной пище украинцев, Л. Ф. Артюх осуществила этнографическое описание и классификацию повседневной и обрядовой пищи, бытовавшей у украинского населения в дореволюционное время, и показала изменения, произошедшие в питании за годы советской власти³.

В рецензируемой книге перед автором стояла более сложная задача — сопоставление на большом фактическом материале этнических черт одного из элементов материальной культуры (пищи) украинского и русского населения пограничных районов. Сравнительное изучение структуры питания двух восточно-славянских народов в этноконтактной зоне, где на протяжении столетий происходил культурный обмен, дает возможность глубже и полнее исследовать как истоки традиций, так и более поздние взаимовлияния.

В основу исследования положены многочисленные полевые материалы автора, широко использованы также архивные и летописные источники.

Во введении приводится материал, характеризующий историю заселения этнический состав и экономику исследуемого района Слободской Украины в дореволюционный период.

В первой главе подробно описывается повседневная пища русского и украинского населения северо-востока Украины в конце XIX — начала XX в. При этом широко ис-

¹ Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев: Наукова думка, 1975, с. 137.

² См.: Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии/Под ред. Арутюнова С. А. М.: Наука, 1981; Станюкович Т. В. Пища.— В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975, с. 238—256; см. также работы В. К. Милос, Е. И. Динес, Г. А. Сепеева, Т. Гонтарь, В. К. Борисенко, А. Мори и др.

³ Артюх Л. Ф. Українська народна кулінарія (історико-етнографічне дослідження). Київ: Наукова думка, 1977.

пользуются более ранние источники, позволившие автору проследить изменения некоторых элементов народной пищи во времени. В результате были выявлены региональные особенности питания русских и украинцев в контексте этнической специфики.

В повседневной пище украинских и русских крестьян преобладали вареные крупяные и мучные блюда, что отражает восточно-славянскую традицию, по крайней мере, со времен Киевской Руси. Региональной особенностью является преобладание таких ингредиентов питания, как гречка, просо, рожь, горох. При этом вплоть до XX в. стойко сохранялись многие блюда, известные с X—XII вв. Этническая специфика проявлялась в некоторых пищевых предпочтениях и особенностях приготовления отдельных блюд (преобладание лапши у русских, галушек — у украинцев; превращение распространенного на обширной славянской территории борща при некоторой особенности его приготовления в обязательную принадлежность обеда и даже в обрядовую пищу у украинцев; предпочтение свинины украинцами, говядины — русскими и т. п.), а также в номенклатуре блюд. К сожалению, в книге нет достаточно четкой параллельной русской и украинской номенклатуры блюд. Между тем фактический материал такого рода был весьма существенным для этнографического исследования.

Отметив, что повседневное меню русских и украинцев на данной территории не отличалось разнообразием, автор делает обоснованный вывод: способы приготовления наиболее типичных повседневных блюд у сходных социальных групп русских и украинцев здесь были чрезвычайно близкими. Более существенны различия в пище разных социальных групп. Автор выявляет традиционные черты в питании населения, характерные для этой области, а также новые элементы, появившиеся в результате межэтнических контактов и на данной, и на более широкой территории. К концу XIX в. пища русского и украинского населения Слобожанщины тяготела к общеукраинской системе питания, но в то же время сохранялись некоторые специфические блюда и местные названия.

Автор убедительно показывает, что ввиду крайней бедности украинского и русского крестьянства на данной территории большинство крестьянских семей употребляло низкокалорийную пищу, приготовленную из ограниченного набора продуктов.

Вторая глава посвящена обрядовой пище украинского и русского населения исследуемого региона в конце XIX — начале XX в. Автор рассматривает здесь лишь те элементы пищи, без которых обряд не может существовать (в отличие от праздничной пищи, употребляемой во время торжеств, но не обязательной в обряде). Обстоятельно и на широком историко-культурном материале показана роль пищи в семейной обрядности. Так, тщательный анализ элементов каравайного обряда и свадьбы в целом приводит автора к выводу о тесной связи этого ритуала с идеей мирового дерева.

Анализ пищи, употреблявшейся при погребальном обряде, показывает общность ряда элементов его символики с символикой обрядов, связанных с рождением, а также свадебного обряда (каша, *коливо*, хлеб и т. п.).

Анализ обрядовой пищи важен не только для исследования пищи и питания, но и системы ритуального действия как целого. Пища оказывается материалом, которым можно воспользоваться при реконструкции древнейшего мировоззрения. Книга Л. Ф. Артюх — свидетельство того, что такой подход был бы плодотворным и при анализе данных по календарной и трудовой обрядности, что, впрочем, потребовало бы значительного расширения рамок исследования. Но и в настоящем виде рассматриваемая глава содержит чрезвычайно разнообразный материал, позволяющий воссоздать древние истоки обычаев календарного цикла, связанных с пищей.

Третья глава посвящена характеристике современного питания русских и украинцев. На большом фактическом материале продемонстрированы изменения, произошедшие за годы Советской власти в традиционной повседневной пище данного региона Украины, а также в самой модели питания. Так, возросло потребление масла, молока, животных жиров, мясных изделий, в частности свинины, увеличилась роль картофельно-крахмальных компонентов питания за счет уменьшения удельного веса крупяных изделий. Резко увеличилось потребление пшеничной муки по сравнению с ржаной. Менее значительными стали сезонные ограничения на овощные блюда. Многие, ранее праздничные блюда превратились теперь в повседневные; изменилась технология приготовления некоторых традиционных блюд. Более 10 лет тому назад в домах перестали печь хлеб, что привело к замене печи кухонной плитой. За счет мяса, рыбы, молока, жиров резко повысилась калорийность пищи. Автор отмечает сильное влияние общественного питания, государственной и кооперативной торговли на рацион и технологию приготовления тех или иных блюд.

Характерный для современности процесс унификации, нивелирования зональных особенностей в материальной и духовной культуре способствует также сближению питания сельского и городского населения. Вместе с тем, автор отмечает, что и новые блюда, и покупаемые изделия отражают вкусы и предпочтения русского и украинского населения исследуемого района; повседневное питание в определенной мере сохраняет традиционную структуру.

В работе рассмотрена также современная обрядовая пища населения северо-восточных районов СССР.

Книга Л. Ф. Артюх демонстрирует далеко еще не полностью использованные возможности историко-этнографического исследования народной пищи. Воссоздание истории материальной и духовной культуры немислимо без четкого и ясного представления о том, как питалось трудящееся население, каковы были его предпочтения и возможности, какую этнодифференцирующую роль играла пища. Особо следует подчеркнуть чрезвычайно важную роль пищевой символики в обрядах. Эта проблема только начинает исследоваться в нашей этнографической литературе. Наконец, знание истории

народного питания позволяет делать прогнозы его дальнейшего развития, в частности, взаимодействия с общественным питанием.

Все это дает прекрасный материал для изучения механизма этнических процессов. Можно лишь сожалеть, что книга Л. Ф. Артюх не снабжена картами исследуемой территории и распространения тех или других видов или названий пищи.

Л. С. Лаврентьева, А. М. Решетов

Я. А. Федоров. Историческая этнография Северного Кавказа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 125 с.

Весьма обильная этнографическая литература по Кавказу в то же время бедна учебными пособиями, в которых бы излагались элементарные сведения по основным кавказоведческим проблемам. Между тем необходимость подобного рода изданий ощущается уже давно. Они нужны прежде всего студентам и аспирантам, специализирующимся в данной отрасли знаний, но могли бы оказать и ценную помощь этнографам смежных специальностей, а также всем, кто интересуется этнографическим кавказоведением. Именно в этом и заключаются достоинство и значение рецензируемой книги, рекомендованной Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности «история». В основу книги положен курс лекций, который автор в течение ряда лет читал на историческом факультете МГУ. Апробированный долгой лекционной практикой материал книги дает читателю совершенно необходимый минимум сведений в предметных рамках, избранных автором для данного пособия.

Я. А. Федоров начинает с краткого очерка природных условий региона, подчеркивая тесную связь климата и ландшафта с хозяйственным бытом местного населения. Далее следует подробная этнолингвистическая и антропологическая характеристика народов Кавказа. Сведения подобного рода абсолютно необходимы в любом этнографическом пособии, но они особенно важны в изданиях, посвященных таким многонациональным регионам, как Кавказ. Ведь за сухим перечислением языковых семей, их подгрупп и языков, на которых говорит население Кавказа, скрываются сложные перепития исторического прошлого региона, основные этапы формирования его этнического состава. С другой стороны, знание лингвистической принадлежности того или иного этноса может сразу же прояснить некоторые особенности его культурно-бытового уклада.

Правда, в целом верная и очень емкая этнолингвистическая характеристика Кавказа, данная в учебнике, порой недостаточно единообразна. Так, о карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках сказано, что они относятся к кипчакской группе алтайских языков¹, но нет сведений, что другие алтайские языки Кавказа — азербайджанский и тухумский — принадлежат к огузской группе той же лингвистической семьи. Между тем эти сведения важны для уяснения процесса формирования современного тюркоязычного населения региона.

Основная часть учебника (главы II и III) посвящена этнической истории Северного Кавказа. Представление о широких предметных рамках понятия «этническая история» дало возможность автору начать повествование с древнейших времен, показав по археологическим материалам пути заселения Кавказа в ашель — шелле группами формирующихся людей — архантропов. Далее Я. А. Федоров сосредоточивает внимание главным образом на древнейшем периоде кавказской истории, характеризует археологические культуры эпохи камня, бронзы и железа и пытается на этой основе реконструировать основные черты хозяйства и материальной культуры местных племен в период первобытно-общинного строя. Такое преувеличенное внимание к археологическим аспектам проблемы, несомненно, нанесло ущерб другим сюжетам, которые могли быть рассмотрены в учебнике, посвященном исторической этнографии Северного Кавказа. Однако в подобной направленности материала, без сомнения, есть свой резон. Знание древнейшего периода этнической истории Кавказа имеет большое значение для уяснения особенностей позднейшего этнокультурного развития местных народов, в частности для правильного объяснения, казалось бы, парадоксальной ситуации, когда некоторые этносы — «чистые кавказцы» по своим антропологическим и этнографическим характеристикам — говорят на языках, не принадлежащих к кавказской языковой семье. В данном случае наиболее аргументированной представляется точка зрения, согласно которой мощная субстратная основа, несмотря на смену в ряде случаев языка, оставалась практически неизменной во взаимодействии с многочисленными миграционными потоками, постоянно устремлявшимися на Кавказ. В книге Я. А. Федорова по существу рассматривается сложение именно этого этнокультурного слоя, сыгравшего решающую роль в формировании большинства коренных народов Кавказа. Преимущественное внимание к археологическому материалу, вероятно, связано и с личными профессиональными интересами автора, долгие годы возглавлявшего студенческие археологические и этнографические экспедиции на Кавказ.

¹ В учебнике терминологически неверно они отнесены к «западной, половецкой группе кипчакских языков».